

В этом номере журнала — «ученый совет» представителей уральской научной школы педиатров. Врачи, ученые, учителя и ученики, профессора, доктора наук. Они говорят о любимом деле, о своих наставниках и преемниках. И просто о жизни.

Доктор детям, «отец» докторам

В.В. Фомин, несмотря на возраст, и сегодня работает, консультирует больных, занимается научной деятельностью, передает свои знания и опыт младшим поколениям коллег. Корреспондент журнала беседовал с Виталием Васильевичем на его рабочем месте – кафедре детских инфекционных болезней и клинической иммунологии УГМА, расположенной непосредственно в инфекционном корпусе городской клинической больницы № 40 Екатеринбурга.

ФОМИН Виталий Васильевич

Врач-педиатр. Доктор медицинских наук, профессор УГМА. Основатель уральской научной школы педиатров-инфекционистов. Направление научной деятельности: исследования в области иммунологии инфекционного процесса. Им опубликовано более 300 научных работ, в том числе десять монографий, 14 монотематических сборников.

С 1971 года В.В. Фомин заведовал кафедрой детских инфекционных заболеваний и клинической иммунологии Свердловского государственного медицинского института. Основным направлением работы кафедры в те годы стало исследование системы иммунитета и влияния на нее различных инфекций, аллергических заболеваний и вакцинопрофилактики, а также изучение внутриутробных инфекций и заболеваний новорожденных.

Многие годы работал деканом педиатрического факультета, проректором по научной работе, председателем специализированного педиатрического совета по защите диссертаций. Член редакционных советов журналов «Детские инфекции», Russian Journal of immunology.

В.В. Фомин — заслуженный деятель науки РФ. Его организаторская и научная деятельность отмечена премией В.Н.Татищева и Г.-В. де Геннина. В 2002 году профессор Фомин стал лауреатом утвержденной Управлением здравоохранения Екатеринбурга премии профессионального признания «Медицинский Олимп» в номинации «За вклад в развитие здравоохранения города».

В 2010 году медицинская общественность Урала отметила 80-летие Виталия Васильевича.

— *Виталий Васильевич, педиатрия — это особая медицина, потому что, насколько известно, детский организм — совсем другой, чем взрослый. Правильно?*

— Да, педиатрия — наука самостоятельная. Она существует уже около 150–200 лет. Это наука о детях. Не только о больных, но и о здоровых детях. Со дня рождения ребенка до 18 лет. В каждом возрастном периоде есть свои особенности.

— *И лечить детей надо тоже по-особенному. А как вы понимаете их, ведь, например, самые маленькие, от рождения, скажем, до года, не могут объяснить, что у них болит?*

— Ну, есть определенная система, а правильнее сказать, взаимоотношения с рядом лиц, которые заинтересованы, чтобы этот ребенок был здоров, определенная схема опроса родителей. Они рассказывают, как он родился, как первый месяц провел. Какая была беременность, как прошли роды. А потом для каждого периода первого, второго месяцев, с шести месяцев, года характерны определенные состояния, которые должны соответствовать психофизическому развитию этой возрастной группы. Это вот и есть

педиатрия. Если уйти в историю, когда я еще учился, существовала градация такая. Были детские консультации, которые занимались только здоровым ребенком, дети до трех лет там наблюдались. И были поликлиники, где занимались больным ребенком. Потом это все соединили...

— *Вы считаете, что это неправильно?*

— Так здоровым ребенком заниматься должен определенный врач. Может быть, на уровне семейного.

— *Я, например, помню, в детстве ко мне приходила доктор, я ее на всю жизнь запомнила, была такая Роза Ефимовна Леенсон...*

— Ну, я знал ее очень хорошо. Замечательный педиатр.

— *Так вот, она приходила с деревянной трубочкой-стетоскопом, и все. А теперь у врачей в распоряжении целый арсенал. Огромные изменения произошли на ваших глазах и с вашим участием.*

— Конечно, возможности диагностики другие! Компьютерная техника, например. Можно определить самое сложное нарушение, которое происходит вообще в организме, начиная с центральной нервной системы, сосудов, кончая

нижними конечностями. Все можно посмотреть, понимаете? А лекарственные препараты? Я когда окончил институт, были известны два антибиотика, всего два. Пенициллин и, при кишечных инфекциях, синтомицин. Теперь же — огромный спектр, и это только по антибиотикам. А сколько других новых лекарств, приборов, методик...

— *Вы в медицине, педиатрии 50 лет. Как начинали тогда, полвека назад?*

— Я работал сначала в участковой больнице. Окончил институт, приехал в город Реж. Жить предложили на частной квартире, а я спорил. И первый раз там почувствовал, что я, вообще-то, наверно, нормальный человек: могу что-то отстаивать. Две недели спорил, потом зав. райздравом сказала: «Хотите, вот есть участковая больница небольшая. Поедете? Там есть жилье». Я сказал: давайте, я посмотрю. Меня привезли в этот поселочек, очень хороший. Показали, говорят: вот ваш дом. Я говорю: согласен. На следующий день вышел на работу. Три года отработал, приехал в Свердловск и устроился врачом-педиатром на участок. Мне предлагали какие-то должности: главный врач санатория, главный врач стационара. Я сказал: нет, нет, нет, только на участок. Проработал три месяца. А так как хотел быть инфекционистом, я ходил в одну больницу. Там мест не было. Потом вдруг вспомнили, что мужчина приходил.

— *А педиатрами были женщины в основном?*

— Да, конечно, я был сначала один мужик в этой больнице. Так в институте в группе-то было 23 девочки и один я. И вообще на педиатрическом факультете нас тогда было всего десять мальчишек на 100 человек.

— *Считалось, женская специальность?*

— Ну, как-то все парни настроены были на хирургию. Я тоже хотел вначале. Но Алексей Федорович Зверев, который был зав. кафедрой детской хирургии и ректором, сказал: ничего, пойдешь на педфак. И зачислил меня на педиатрический.

— *Вы не пожалели?*

— Нет. Вы знаете, это преимущество. Я, когда приехал в участковую больницу, увидел, что на приеме 70 процентов детей. Никаких проблем, слушайте. Мне было легче, чем лечебнику. Поселок был довольно благополучный. Взрослое население практически не болело. Никогда не жалел. На участке работал, не жалею. И потом, когда пришел на кафедру...

— *На кафедру вас пригласили?*

— Меня позвала мой шеф, профессор Варвара Степановна Дуброва. Тогда это было почетно, понимаете, так у-у-у. А я что был, периферийный врач, и сразу в педагогическую деятельность — сложно. Я торговался недели две. Боялся, наверно. Все же перешел, и вот с тех пор работаю на одной кафедре.

— *Здесь сделали свои диссертации, и кандидатскую, и докторскую.*

— Я шел к доктору наук очень сложно. Ой, меня били все время практически. Потому что занимался не тем, чем нужно.

— *Это как?*

— Ну, инфекции ведь были те, которые нужны, и те, которые не нужны. Есть такое направление, которое было в Советском Союзе, сейчас вроде бы снова появляется: ликвидация. Хорошее направление. Но должно все делаться по-умному, по-научному, только в таком случае это хорошо. Я занимался полиомиелитом. Тогда объявили, что инфекция ликвидирована. Я же говорил, что априори еще не ликвидирована. Что вакцина, которая применяется, не всегда дает достаточный иммунитет и возникают легчайшие формы, с полным выздоровлением. Ездили комиссии, проверяли больных. Иногда по десять профессоров из Москвы приезжали. Сначала я, конечно, сидел, молчал, а потом научился огрызаться. Дальше Михаил Петрович Чумаков приехал, академик, который был директором Института полиомиелита и вирусных энцефалитов. Пришел в четвертую больницу, посмотрел и согласился со мной, и потихоньку пошла моя диссертация. Но «черный» оппонент ваковский ее зарезал. Был отзыв

написан на 12 страницах. Все отрицательно. Но именно на этом я выиграл. Потому что неумно было сделано. Мне рекомендовали повторную рецензию в Академическом институте педиатрии, где было 40 членов ученого совета. И когда они читали те 12 страниц, всем стало понятно, что так не бывает — все плохо. Для того чтобы убить, надо похвалить, похвалить, а потом дать по башке. Так что я потом вышел на защиту, повторно меня послушали. Проголосовали единогласно, и я получил диплом доктора наук.

— *Это была работа по полиомиелиту?*

— По полиомиелиту, да. Вообще мое направление — энтеральные инфекции. Менингиты, энцефалиты, нейронинфекции, и в том числе полиомиелит.

— *А кого вы считаете своими учителями, или главным, может быть, учителем?*

— Очень умную женщину Варвару Степановну Дуброву. Она была нестандартной, ее не очень признавали педиатры-коллеги, но она смотрела далеко вперед. Она научила меня читать, не только статейки журнальные, но самую главную монографическую литературу, особенно теоретическую, это физиология, патологоанатомия, общая патология, вопросы иммунитета. Я научился у нее многому.

— *А можете прикинуть (хотя я понимаю, что это очень сложно — за столько лет), сколько примерно «ваших» докторов наук, учеников ваших?*

— А вон все они на этой фотографии, в верхнем ряду десять докторов наук. Смотрите какие, хвастаюсь. Вот первая, Санникова, зав. кафедрой детских болезней УГМА. Козлова, профессор педиатрии. Голубкова, зав. кафедрой эпидемиологии. Это Сабитов, проректор и зав. кафедрой. Это Ковтун, проректор по науке и зав. кафедрой, это Захарова, научный руководитель детского отделения Института ОММ. Это профессора Кашуба и Ольховиков. Это Бейкин, главный врач клинико-диагностического центра, профессор. Это Царькова, декан ФУА.

Вот они, десять. А все ниже — кандидаты. В общей сложности 50 подготовленных специалистов. Горжусь.

Большой я в этом отношении. Вообще, наверное, такого мужика надо бить. Ну да, потому что ко мне кто-нибудь приходит с заявкой на научную работу, ну, говорю, давай делать. И если человек действительно настроен, то первичный материал я смотрю сам. И прикидку сделаю сам. Почитал, что-то нашел и уже спокойно отдаю. Говорю: а теперь идите, работайте. Вот я прикинул, дальше все должно получиться.

— *Ну а просто студентов не считать, сколько прошло «через ваши руки»?*

— Не подсчитать, конечно. Цифры какие-то называли, но это неприлично даже, наверно. Я вел группы первые десять лет. Нормально, мне очень нравилось. В первый год работы ассистентом практически окончил заочную ординатуру. Потому что готовился дико к занятиям. Я же многого не знал, ноль был совершенный. Меня шеф спросила, как дела. Я сказал: учусь. А потом, когда сам стал зав. кафедрой, я набирал в основном молодых. Вот Алебай Усманович Сабитов, Ольга Петровна Ковтун, они, когда пришли, молодые совсем были, лет по 25. Окончили институт, ординатуру, а потом я их брал на кафедру. У меня количество должностей ассистентских нарастало в тот период. Я приходил к ректору Василию Николаевичу Климову и говорил, что мне нужно ставку. Он почти никогда не отказывал, если это было обоснованно. Брал молодых. Они быстро защищали кандидатские диссертации. С молодыми легко работать.

— *Легко в каком смысле?*

— Они все схватывают быстро. У меня набор на кафедру сотрудников шел очень странно. Их не хотели на другие кафедры брать. Они были слишком активными. Каждый был личностью, а человека, который может встать в позу, никто не хотел брать к себе. А мы нормально сработались. Я все еще с ними работаю. Друг друга понимаем.

— *Виталий Васильевич, вы всю жизнь работаете с детьми, как и у любого доктора-педиатра, конечно, это должно быть честное служение профессии, но при этом детей надо еще и просто любить?*

— Ну, это вместе, нельзя делить. Но именно любить, только не сюсюкать. Больного надо уважать в любом возрасте.

— *Даже крошку?*

— Конечно, ведь после года ребенок уже большой. А в три года я вообще считаю, что он уже взрослый, все понимает, все говорит. Дети формируются на первом году, к трем — это уже сформированный человек.

— *Сейчас дети больше болеть стали?*

— Ну, я бы не сказал. Вы понимаете, бактериальные инфекции сменились на вирусные. Они более распространены и более контактогенны. Но они всегда тяжелые. А дифтерии нет, полиомиелита нет, краснухи нет, кори нет. Прививки же, понимаете? Сейчас появилась герпетическая инфекция, которая довольно быстро распространяется. Хотя неясно, распространяется или диагностика улучшается. Вот когда я работал в районе, брал совместительство, за пять километров ходил пешком в лесхоз. Там барак отдали больнице и в этом бараке устроили кишечное отделение. А тогда существовало только две кишечные инфекции. Дизентерия, подтвержденная бактериологически, и дизентерия клинически. Мы и ставили: дизентерия да дизентерия. И лечили-то примитивно. Ну, слава Богу, ни одного не похоронил. Там было так, вдруг воду не привезут (а вода привозная, потому что колодца рядом не было и колонок никаких не было). И я захожу, мне сразу старшая говорит: не было воды, что варили, не знаю. Уж какие там диеты, понимаете? Я заходил в эту палату, там стояло 20 кроватей взрослых, на которых лежали мама и ребенок, мама и ребенок. Так, улыбаясь тихонечко, проходил, и как-то все успокаивалось.

— *Улыбка много значит в работе?*

— Если вовремя.

— *Виталий Васильевич, нынешние студенты отличаются от студентов, скажем, 20—30 лет тому назад? Если да, то чем?*

— Они более эрудированны.

— *Изначально?*

— Да, конечно. Ведь компьютеры, техника, Интернет. Теперь вот мне, например, надо какой-то вопрос посмотреть, я набираю, предположим, такая-то инфекция, и мне эта информация вся выдается.

— *Раньше же надо было в библиотеку идти.*

— Мы же, когда диссертации готовили, ездили в Москву, в Центральную библиотеку.

— *А сегодня вы со студентами контактируете?*

— Кое-какие занятия провожу.

— *Ну а детей консультируете?*

— Да.

— *Любого возраста?*

— До 15 лет.

— *Считаете до 15 лет детский возраст?*

— Официально до 18...

— *Ничего себе дети! Впору уже самим детей заводить...*

— Нет, подождите, есть приказ, что педиатры должны наблюдать до 18 лет включительно. На участках так и есть. В стационарах же в детских отделениях нет больших кроватей. А ведь нельзя мешать старших с маленькими.

— *То есть, как я понимаю, при стационарном лечении надо и какие-то поведенческие моменты учитывать?*

— Надо. Мальчиков помешать с мальчиками, девочек с девочками. И если ребенок лежит в больнице, я считаю, что мама никогда не мешает. Присмотреть, приласкать, книжку почитать...

— *А вот вы что читаете? Я имею в виду, кроме профессиональной литературы?*

— А что попадет. Раньше «Иностранку» (журнал «Иностранная литература») читал с удовольствием, «Новый мир», «Театр», «Знамя». Когда мы с женой ездили в Сочи, останавливались на частной квартире. Хозяйка готовила обычно подписку каких-то журналов за целый год. Мы все это глотали.

— *Ваша супруга тоже доктор?*

— Тоже врач была.

— *А по специальности?*

— Педиатр. Жена педиатр, дочь педиатр, зять педиатр, внук хирург. Он работает в 1-й Областной больнице. Невестка акушер-гинеколог.

— *Ну просто кругом врачи. С «нормальным» человеком не поговоришь.*

— У меня все родственники были железнодорожники. Никаких медиков.

— *А вы, значит, были первый врач в родне.*

— Первый, да.

— *Ну, вот видите, какой вы дали смысл, толчок, импульс, что вся ваша семья пошла в медицину.*

— Даже соседи пошли. И даже знакомые соседей пошли. Медицина — это самое, самое интересное. Хотя работа медика — сложная, очень. Поэтому врач должен учиться всю жизнь. Читать, анализировать, знакомиться со всем новым в нашей науке.

— *Но ведь не отрешаться же от мира?*

— Да нет, разумеется. Я, когда в столице ездил, обязательно в театры ходил. Как-то десять дней был в командировке в Ленинграде, так десять спектаклей в БДТ посмотрел. Знаете, я и Уланову видел на сцене. В Большом, в «Шопениане». Кстати, нынешние студенты тоже ходят в театр.

— *Неужели?*

— Да, не думайте, что они плохие, интересуются только Интернетом и дискотеками.

— *Они, наверное, с вас пример берут.*

— Да ну, я старая перещница. Я смеюсь, когда поднимаюсь по лестнице, представляю, посмотрят и скажут: этот старый перец все еще ползает на работу.

— *Ну, вот, а говорили, что юмор врачу не обязателен! Да я же вижу, как все — и маститые коллеги, и студенты — рады с вами пообщаться. «Добрать» от вас, что еще не «добрали». Это чувствуется, поверьте, — уважение, любовь. Вы — Учитель.*

— Я просто периферийный профессор. Ясно? Врач. Детский доктор.

Профессор О.П. Ковтун — о своем учителе В.В. Фомине:

— Виталий Васильевич Фомин и его школа в педиатрии — это значит очень много, потому что в 60—80-е годы инфекции занимали огромный пласт детской заболеваемости и смертности. Конечно, научный интерес к этой сфере был высок. И поэтому мы многие считали за честь попасть на кафедру Виталия Васильевича. И мне повезло, может быть больше, чем кому-то другому, после окончания института я поступила в ординатуру к Фомину, на кафедру детских инфекционных болезней. Я считаю Виталия Васильевича своим главным наставником, учителем. Мы копировали его. Мы даже сегодня, составляя план на день, листок А4 складываем пополам, так, как складывал он. Я прихожу на линейку в свою клинику, у меня план на день написан, могу показать, так, как пишет Виталий Васильевич.

Он всегда отличался неординарными поступками. Порывистый, иногда явный холерик, очень открытый, откровенный, не всегда предсказуемый.

Виталию Васильевичу удалось многое. Он взял, как тогда называли, «октябрятский отряд» на кафедру, которая переживала период смены поколений. И мы пришли на кафедру сразу после окончания ординатуры. Мне было 23—24 года, как и другим. И мы сразу стали ассистентами кафедры. У Виталия Васильевича есть потрясающее качество — принять решение, не слушая никого. Многие советовали: возьмите кандидатов наук, и вы будете спокойно работать дальше. Нет, Виталий Васильевич сказал: если они смогли в комсомоле, в жизни отстаивать свои принципы, быть организованными, последовательными, если их знает весь институт, значит, и в науке они будут такими. И наш учитель не ошибся. Воспитал и подготовил десять докторов наук, и сегодня в Екатеринбурге работает большинство из нас, даже в нашей академии. Я, Алебай Усманович Сабитов, Софья Анатольевна Царькова, Алла Александровна Голубкова, Светлана Николаевна Козлова, Алексей Иванович Ольховиков, Яков Борисович Бейкин, еще ряд людей, которые и сегодня считают за честь сделать докторскую диссертацию с Виталием Васильевичем.

Фомин — это чрезвычайная доброта и обаяние. Всегда повторяю, что жить под его крылом — счастье. Виталий Васильевич был проректором по науке. И мы все формировались за его надежной спиной. Он учил нас всему. Методам статистики, методам обследования, постановке диагноза, принятию решения. Как он проводил клинические разборы, как он проводил конференции, как он смотрел детей! Он подкупал неминуемо всех, и родителей и детей. И умел брать ответственность на себя. Ну как этому не учиться? И конечно, всегда он нам говорил: надо любить студентов. Всех своих клинических ординаторов, интернов он устраивал на работу сам. Сам каждому подбирал место. О каждом всегда заботился. И мы ждали того момента, когда в работе над диссертацией наступал ключевой день, и профессор приглашал диссертанта к себе домой. Маргарита Григорьевна готовила обед. А мы с Виталием Васильевичем в его домашнем кабинете разбирали первичный материал. И он должен был принять решение, диссертательно ли это в конечном итоге, получится что-то или нет. Он брал карты в руки, я имею в виду, карты на больных, тогда же были бумажные носители. Мы набрасывали две-три закономерности, считали, и спустя пару часов он говорил: все нормально, иди и пиши. Хозяйка накрывала стол. Обязательно были первое, второе, третье. Обязательно были салфетки накрахмаленные. Тарелки с подтарельниками. Красивая посуда. И вот, представьте, эта гостеприимная обстановка, это поднятие твоего статуса до возможности на равных обсудить. И ты уходил с пакетами первичного материала, окрыленный тем, что открываются новые горизонты, и ты обязательно какие-то идеи, затен от Виталия Васильевича уносил.

А те долгие разговоры после работы, когда можно было пройти пешком через Зеленую рощу... И два, три часа разговаривать о том, что сегодня актуально, ново, о наших проблемах.

Виталий Васильевич первый заложил основу иммунологии в детских инфекциях, идею создания лаборатории, которая потом выросла в Центр. Как мы сегодня говорим, Центр Яши Бейкина. Это умение Фомина стратегически видеть и предвидеть ситуацию. И наверное, он тогда еще предвидел, что каждому из нас найдется ниша в науке, в медицине. Он и сегодня всегда нам повторяет: «Только не соресьте. Потому что сила в единстве. Когда вы все вместе, пусть каждый решает свои задачи, сила ваша в том, что вы верны школе, верны традиции, что вы вообще нормальные люди». Вот в такой коллектив гадкий человек попасть просто не мог. Я думаю, то, что Виталий Васильевич смог нас так сплотить, сроднить, заразить этим вирусом научным до такой степени, и определило то, что мы себе сегодня другой жизни не представляем.